

Кечал и золотое кольцо

Был не был когда-то один бедняк. Все его звали Кечал, потому что кечал — это полезгински не только «плешивый», но и просто «бедняк». Была у него старая-престарая мать, но и она никогда ни- чего не имела ни от земли, ни от неба. Не было у них в доме из вещей ничего, кроме старого, давно треснувшего горшка, а из живности никого, кроме собаки и кошки, таких же голодных и тощих, как старуха и её сын.

Однажды Кечал, выйдя на улицу, увидел, как дети, окружив маленькую змейку, кидали в неё камнями. Змейка пыталась юркнуть то в тень, то в траву, но нигде не могла найти ни одной щёлки, чтобы укрыться. Кечал пожалел змейку, принёс её домой и уложил в старый разбитый горшок, постелив на дно мягкий сырой мох. Чего-чего, а мха в доме было сколько угодно.

Кошка приносила Кечалу зелёную травку, чтобы лечить змейкины раны, собака зализывала их языком, а старая мать ворчала:

— Баллах, ты вот занял этой змейкой горшок, а теперь нам и суп сварить не в чем. - Ничего, матушка,— утешал Кечал,— всё равно нам не из чего варить суп.

Пока они горевали так, змейка подняла из горшка голову и заговорила вдруг полезгински:

— Милый Кечал, отпусти меня к моей матери,и тогда у вас всегда будет и суп, и что-нибудь получше супа.

— Глупая ты, змейка,— засмеялся Кечал,— даведь на улице ты снова попадёшься человеческим детям и на этот раз не уйдёшь от их камней.

Но змейка так жалобно просила отпустить её в родную нору, что Кечал положил её в шапку и понёс в горы. Ну конечно же, с ним пошли и его верные друзья — собака и кошка.

— Смотри, Кечал,— предупреждала змейка,— захочет тебя моя мать отблагодарить, будет предлагать шапку золота,— не бери. Попроси лучше, чтобы она глянула на твои зубы.

— Вот уже там она ничего не найдет,— засмеялся Кечал,— у меня на зубах со вчерашнего дня и маковой росинки не было.

— А ты всё-таки попроси,— уговаривала змейка,— она тебя научит плевать через золотое кольцо.

Только она это сказала, как вдруг из-за скалы поднялась змея. Кечалу сперва показалось, что это был вол,— такая она была огромная.

Змея зашипела, а когда увидела змейку, обрадовалась и не знала, как отблагодарить человека.

Кечал протянул было шапку, но вспомнил совет змейки и сказал:

— Нет, лучше научи! меня плевать через золотое кольцо.

Глаза у змеи были зелёные, холодные, и Кечал так испугался, что и не заметил, как во рту у него очутилось золотое кольцо.

Вставила змея кольцо и сейчас же исчезла. Остался Кечал перед скалой один, с пустой шапкой, с голодными, как и он, собакой и кошкой, и пожалел:

— Эх, было бы у меня сейчас золото, мы бы целый год пировали!

Он даже плюнул с досады,— так ему жалко стало, что он отказался от шапки золота,— и только плюнул, как из-под земли сейчас же выросли три огромных дубовых бревна и, поклонившись Кечалу, в один голос сказали:

— Приказывай, эффенди! Мы — твои слуги. Что тебе нужно?

Это было так неожиданно, что собака Кечала поджала хвост, на кошке шерсть стала дыбом, а сам Кечал отшатнулся и опасливо пробормотал:

— Как бы вы... не ушибли нас,— больше мне, пожалуй, ничего и не нужно.

— Слушаемся, эффенди,— сказали брёвна.

Они ещё раз низко поклонились Кечалу и осторожно обойдя его, исчезли так же неожиданно, как и появились.

Дома мать поставила перед ним суп из крапивы. От супа шёл пар, а сытости не было.

Крапива была горькая, и Кечал плюнул.

Только он сделал это, как на пороге появились три огромных дубовых бревна. Было просто удивительно, как они смогли уместиться в этой маленькой комнате.

— Приказывай, эффенди,— сказали брёвна,—

мы — твои слуги. Чего бы ты хотел?

На этот раз Кечал не растерялся и, кивнув па горшок с крапивой, горько сказал:

— Чего бы я хотел? Да чего-нибудь получше крапивы.

Только он это сказал, как в горшке появились румяные куски мяса, шипящие в жирном рассыпчатом рисе. Потом появилось вино и щербет.

Словом, это был такой удивительный пир, о котором и не мечтали Кечал и его старая мать.

Так прошло много дней. Однажды мимо селения, где жил Кечал, проезжал караван падишаха,— самого большого из всех падишахов земли. Кечал увидел дочь падишаха, а это была такая красавица, ради которой можно было отказаться и от еды, и от питья.

Кечал и говорит матери:

— Матушка, иди и сейчас же засватай за меня дочь падишаха!

— Не смеши людей,— сказала мать.— Где это видано, чтобы царскую дочь выдавали за бедняка?

— А мне наплевать, что она царская дочь,— сказал Кечал. И только он сказал это, как показались три бревна:—Приказывай, эффенди!

— Ну что ж, и прикажу,— засмеялся Кечал.—

Перенесите мою матушку во дворец сватать дочь падишаха.

Три бревна сейчас же стали ниже и тоньше, превратились в трех старых свах, перенесли мать Кечала во дворец, а сами исчезли.

Падишах сидел на золотом троне, окружённый советниками и везирями. Старуха, как увидела падишаха, так и бросилась ему в ноги. Еле-еле посмела она сказать, зачем послал её сын. Падишах рассердился, и старуха еле живая выскочила из дворца. Она так ничего и не смогла рассказать своему сыну.

А падишах тем временем развеселился и говорит своим людям:

— Ну что ж, я, пожалуй, согласен выдать дочь замуж. Только спросите сперва у этого Кечала, чем он будет кормить свою жену?

Все рассмеялись, а Кечал, как только узнал о словах падишаха, сейчас же плюнул.

— Что прикажешь, эффенди?— поклонились три бревна.

Кечал приказал им найти такую отару овец, чтобы хватило прокормить целое государство, а мать попросил отогнать эту отару ко дворцу падишаха. Напуганная старуха и слушать не хотела об этом. Тогда три бревна снова стали тоньше и ниже, превратились в трех свах, перенесли мать Кечала во дворец, а сами исчезли.

Овцы окружили весь дворец падишаха, а мать Кечала, как увидела падишаха, так и бросилась ему в ноги:

— Вот,— говорит,— чем кормить твою дочь!

Падишах видит, что от слова не откажешься, и говорит:

— Ну что ж, пожалуй, твой Кечал теперь сможет прокормить свою жену. Но что они будут пить?

И он засмеялся, довольный своей выдумкой.

Все придворные тоже рассмеялись, а Кечал, как только узнал о словах падишаха, сейчас же плюнул.

— Что прикажешь, эффенди?— поклонились три бревна.

Кечал приказал достать такой караван верблюдов, груженных бурдюками с вином, чтобы этого вина хватило на целое государство.

И снова старуха мать Кечала очутилась с этим караваном перед дворцом падишаха.

Падишах даже побледнел от страха, что теперь уж придётся выдавать свою дочь за Кечала, но тут на помощь пришли советники и везиры.

— Теперь молодым хватит что пить и есть,— сказали везиры,— но где же они будут жить?

— Да, да, где они будут жить?— обрадовался падишах.— Скажи, старуха, своему Кечалу, что я завтра же отдам за него мою дочь, но пусть сперва выстроит к утру свой дворец по соседству с моим.

И он так развеселился, что старуха мать Кечала совсем опечалилась. А Кечал, как только услышал о словах падишаха,— плюнул.

— Что прикажешь, эффенди?— появились три бревна. "

— Прикажу, чтобы к утру рядом с дворцом падишаха появился такой дворец, какого ещё на свете не было,— один кирпич муравлёный, другой золочёный, а окна — и того ярче.

— Слушаемся, эффенди!— поклонились брёвна.

Что человеку не под силу, то брёвнам — нипочём. К утру рядом с дворцом падишаха вырос такой дворец, что во всём городе стало светло. Все жители, как проснулись, сбегались к дворцу да так и стояли перед дворцом целый день, разинув рты, а у падишаха даже голова закружилась: он ведь привык на всё смотреть сверху вниз, а тут пришлось смотреть снизу вверх.

Не хотелось этого падишаху, а ничего не оставалось, как выдать свою дочь за Кечала.

Семь дней и семь ночей в новом дворце был такой пир, что бурдюки вина и отары овец уменьшились сразу наполовину.

Дочь падишаха вынуждена была покориться простому кечалу, а злая, завистливая жена падишаха, нащёптывала ей:

— Узнай, откуда это у Кечала такое богатство и сила?

Когда дочь падишаха в первый раз спросила об этом ночью у своего мужа, он рассмеялся.

Когда она спросила об этом в другую ночь, он ударил её пальцами по рту и вызвал кровь.

А когда жена в третью ночь задала этот же вопрос, Кечал аж плюнул. Он спохватился, да было уже поздно,— дочь падишаха успела увидеть его слуг.

Когда утром хитрая жена падишаха услышала об удивительных дубовых брёвнах, она сразу догадалась, в чём дело. Она еле-еле дождалась ночи, а как только Кечал уснул, сказала дочери.

— Скорей посмотри ему в рот!

Дочь вытащила кольцо, а жене падишаха так не терпелось испытать силу кольца, что она чуть не подавилась им. Она так неудачно пристроила его в своём рту, что и плевать не могла, а только брызгалась. Потому, видно, и появились перед ней не три дубовых бревна, а всего только три дубовых веника.

— Приказывай, ханум,— поклонились они,— мы твои слуги.

Жена падишаха приказала поднять Кечала и сейчас же забросить его за семь морей и семь земель. Веники подхватили Кечала и понесли его спящего быстрее ветра. Но разве сделать веникам то, что могут сделать только дубовые кряжи,— они донесли Кечала всего за одно море, да и бросили там на песке.

Ну и поиздевалась потом жена падишаха над незадачливыми вениками,— принесите то, да отнесите это!— так она не командовала даже своим мужем!

У кого же нам узнать теперь, что случилось дальше с Кечалом?

Узнаем у его верных друзей — собаки и кошки.

Они чувствовали, что их хозяину угрожает опасность, но сделать ничего не могли,— хитрая жена падишаха заперла их в чулан.

На третью ночь голодная кошка увидела в углу чулана мышь и поймала её.

— Милая кошка, не убивай меня, я тебе расскажу, где находится твой хозяин.

Так собака и кошка узнали всё, что случилось с Кечалом, а от них узнаем и мы.

Кечал проснулся на берегу моря ещё до утра. Он лежал на сыром песке и никак не мог понять, что с ним произошло. Вспомнив о помощниках, он плюнул, но никто не появился. Тогда он догадался, что кольцо украдено, но сделать уже ничего не мог. Он пошёл по берегу моря, удивляясь, почему солнце вдруг стало всходить с другой стороны. Так он шёл, пока не встретил рыбаков.

С ними он и остался. А мы пока останемся с собакой и кошкой и их новой подружкой мышкой.

— Вы, мыши,— удивительно пролазный народ,— сказала собака.— Почему бы тебе, мышь, неопустить свой хвостик в рот жены падишаха и не вытащить кольцо?

— Хорошо,— сказала мышь, и когда жена падишаха уснула, она вытащила у неё кольцо и отдала собаке.

Собака сейчас же побежала на берег моря и бросилась в воду. Кошка побоялась замочиться и уселась верхом на собаку. Мышка осталась дома.

Так плыли они день и ночь, а на другой день, когда взошло солнце, они были уже недалеко от берега. Кошка, которой сверху было виднее, первая увидела хозяина и сказала собаке:

— Дай мне скорей кольцо! Ты такая ротозейка,— того и гляди уронишь его в воду.

Собака догадалась, что кошка хочет выслужиться перед хозяином, и зарычала. Тогда кошка вцепилась в собаку когтями, и собака выронила кольцо. Кошка не успела его подхватить, и оно пошло ко дну.

Хорошо ещё, что мимо плыла рыба и глотнула кольцо, приняв его за червяка.

Ещё лучше, что рыба тут же попала в сети.

Это было уже у самого берега, и там стоял Кечал. Кошка первый раз в жизни не побоялась мокрого и бросилась в сети. Она схватила рыбу и понесла её хозяину. Кечал понимал своих животных без слов и сразу нашёл кольцо.

— Приказывай, эффенди,— появились из песка брёвна, как только он плюнул, мы твои слуги.

Кечал пожелал, чтобы он и его друзья очутились сейчас же во дворце, и не успел он ещё сказать об этом, как всё так и случилось.

Дочь падишаха удивилась, увидев его, а жену падишаха Кечал перестал пускать в свой дворец.

Так прошло ещё много дней. А потом случилось так, что испытать силу кольца захотелось дочери падишаха.

Ночью она потихоньку вытащила изо рта мужа кольцо, а когда появились слуги, она и приказать им толком ничего не сумела. Она хотела сказать, чтобы то, что умеет Кечал, сумела сделать -она, а то, что она не умеет, чтобы и он не умел, а вместо этого сказала:

— Убери куда-нибудь Кечала, и пусть всё будет наоборот.

После этого она без конца стала забавляться: «Слуги, переставьте окно туда, где была дверь, а крышу туда, где была лестница». Такая началась кутерьма, что она и сама уже ни в чём не могла разобраться. Брёвнам надоело, и они перестали служить ей.

Кечал между тем проснулся и увидел, что он — в стране, где всё наоборот. Даже яблони в садах росли не из земли, а от верхушки. Кечал попробовал одно яблоко и, как только надкусил его, сразу перевернулся,— голова упёрлась в землю, а ноги задрались к небу. Как он ни старался, а встать на ноги не удавалось.

Передвигаясь, как акробат, на руках, Кечал добрёл до другого сада и тут только почувствовал, что он голоден.

— Эх, будь что будет,— сказал он и сбил ногой яблоко.

Только он надкусил его, как снова стал на ноги.

— Вот это яблоки, так яблоки!—обрадовался Кечал.

Он сплёл две корзины, нагрузил их яблоками-перевертышами из обоих садов и стал искать путь домой.

Долго или недолго он шёл, но только попал наконец в родные края. А когда он очутился в них, то не пошёл во дворец, о котором все говорили, что там всё вверх дном, а вернулся в своё селение к старой своей матушке и старался никому и на глаза не показываться.

Впрочем, он так изменился, что если бы кто и увидел его, всё равно бы не узнал.

Однажды мимо селения Кечала снова шёл караван падишаха. Кечал взял с собой корзину яблок-перевертышей и сел у дороги. Жадная жена падишаха, как только увидела яблоки, так сейчас же их и купила.

Утром во дворце падишаха начался переполох,— все знатные женщины перевернулись вверх ногами и никак не могли встать. Это было так неприлично, что падишах сейчас же разослал гонцов во все концы мира и обещал половину своих владений тому, кто поставит на ноги хотя бы его жену и дочь. Никто этого, конечно, сделать не смог. Тогда Кечал отправился во дворец и сказал:

— Великий падишах! И вы, визиры и советники! Если вы хотите увидеть ваших жён и дочерей в равном себе положении, съешьте по яблоку.— И он протянул им корзину.

Все набросились на яблоки и действительно увидели своих женщин в равном себе положении, но положение это было обратное тому, какое занимали все люди.

Во всём дворце падишаха поднялся такой вой, какого Кечал никогда ещё не слышал.

Кечала все узнали. Все, ковыляя на руках, бросились за ним, а он отправился в женскую половину дворца, нашёл свою жену, тоже ходившую, как обезьяна, вверх ногами, и так тряхнул её за ноги, что кольцо выпало из её рта. Кечал подхватил его, и тут ему стало жаль всех этих людей, скулящих, как собаки. Он дал им по яблоку-перевертышу из другой корзины, и они сразу стали на ноги.

Как только падишах почувствовал под ногами твёрдую землю, он сейчас же закричал своим слугам:

— Хватайте Кечала! Рубите ему голову! Если он сегодня перевернул всё вверх ногами во дворце, он завтра сделает это во всём падишахстве.

Жена падишаха поспешила прикрыть рот Кечала рукой, но он всё-таки успел плюнуть, и перед удивлённым падишахом и его людьми появились три огромных дубовых бревна.

— Приказывай, Кечал,— поклонились они. Мы — твои слуги.

— Возьмите их всех себе,— сказал Кечал. И только он это сказал, как падишах, его жена, дочь

и все их визиры, советники и слуги стали самыми обыкновенными сучками на самых обыкновенных брёвнах,— они ведь всегда были лишним наростом на теле народа.

С этих пор чудесная сила брёвен, служивших Кечалу, пропала,— сколько он ни плевался, они уже не кланялись и кольцо во рту исчезло. Впрочем, Кечал и не тужил об этом. Он сделал из брёвен у откоса горы хороший загон для овец, покрыл его дёрном, обзавёлся друзьями, и — наплевать ему на всех падишахов на свете!